

О детстве в Петергофе, работе отца с академиком Ферсманом и забытой Ленинской премии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1475>

25 октября 2012

Собеседник

Влодавец Игорь Николаевич

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 25 октября 2012 и опубликована 8 февраля 2013.

Введение

В первой беседе химик Игорь Николаевич Влодавец рассказывает о своем деде православном миссионере в Седлецкой Губернии Царства Польского (село Развадовка), о том, как накануне революции его мать стала дворянкой и как ей удалось добиться расположения большевиков. О жизни семьи в Петергофе и Ленинграде до переезда Академии наук в Москву в 1934 году. О привычке к чтению и брошюре «Курица и яйцо», где 9-летний Гарик Влодавец пересказывал сведения о половом поведении кур «научным языком», стараясь соответствовать источнику — крестьянам слободы Большая Халань в Воронежской области. Примечателен рассказ о том, как его отец успешно выполнил поручение академика Александра Евгеньевича Ферсмана, придумав способ переработки нефелинов — побочных отходов при добыче фосфорных удобрений из апатитов. Для реализации способа безотходного производства был построен завод в Пикулево, а Николай Влодавец за свое изобретение получил Ленинскую премию.

Николай Александрович Формозов: Я очень рад, что вы меня позвали, потому что я люблю историю, хотя я биолог. Давайте начнем издавна — с вашего детства, родителей. Семья папы, семья мамы — что вы о них знаете.

Игорь Николаевич Влодавец: Очень хорошо, потому что меня часто спрашивают при знакомстве: «А кто вы по национальности?» Причем высказывают самые разные предположения, но обычно никто не знает. Один только киргиз однажды заявил, что я, по его мнению, похож на киргиза, что для меня было несколько неожиданно, но я был доволен тогда уже и этим. Это было в лагере, где я проходил спецпроверку при освобождении из плена, и там Карпбай Сулейманкулов со мной вместе оказался, и он уверял меня, что я похож на киргиза. В действительности, фамилия Влодавец происходит, очевидно, от названия польского города Влодава, который находится на восточной окраине Польши, на реке Буг. Обитатели этого района, которые в истории и в географии именуются бужане, они же волыняне, считают себя русинами. Русины от слова «Русь» — это славянское племя, которое обитает в разных странах Европы: в Австрии, Австро-Венгрии бывшей, в Польше, Чехии, Словакии, в том числе это Прикарпатская Русь.

Мой дед был православным священником — Иван Петрович Влодавец. Он учился в Львовском университете на богословском факультете, но был православного вероисповедания, как и его собраты-русины, которые были православного вероисповедания. Но женился он на польке Елене Онуфриевне Минкевич, что вызвало некие осложнения с родителями, поэтому он был православным священником, но не приходским, а состоял на службе в православном синоде в качестве миссионера, проповедующего православие в католической иноверческой стране, и получал отдельное жалование непосредственно из центра — из Синода, и жалование это было, по тем временам, очень солидным: что-то около ста рублей в месяц. Это было в середине XIX века, очевидно. Он совершил необычный такой и смелый поступок: женился на польке с некоторым конфликтом с ее родителями.

Н.Ф.: Потому что ей пришлось перейти в православие, вероятно?

И.В.: Ей пришлось перейти в православие. Да. Но я говорю об этом, потому что там в это время была распространена уния, и была еще униатская церковь, которая считалась православной вроде, но находилась по эгидой католических церковных властей, в частности папы. Прадед мой со стороны бабушки был, Онуфрий Каэтанович Минкевич, польский дворянин. Бабушка моя была российской дворянкой, так же, как все польское дворянство было признано. У нее было трое детей: старшая дочка Софья Ивановна, Николай, мой отец, и Владимир — мой дядя. Все они рвались к образованию. Тетя Соня окончила Высшие женские коммерческие курсы в Петербурге. Мой отец и дядя окончили Петроградский Политехнический институт, который в то время считался самым престижным в Российской империи. Отец мой окончил электрохимическое отделение, а дядя — геологическое.

Н.Ф.: То есть никто из них по духовной части не пошел?

И.В.: Никто не пошел.

Н.Ф.: Это было связано с внутрисемейным конфликтом? Или как вы это объясняете, что никто из них не воспринял путь их отца?

И.В.: Я не знаю, как это произошло, но все они получили достаточно серьезное светское образование. Некий конфликт был только, когда мой папа решил жениться. Он познакомился с матерью, у нее была девичья фамилия Стржалковская, тоже фамилия чисто польская, дворянская фамилия. Но кто-то из Стржалковских, чуть ли не дед Иосиф, он был участником польского восстания 1863 года. За это он был лишен русского дворянского звания. Но моя мать все смеялась...

У нее были двоюродные братья: дядя Генрих Стржалковский. Он разбогател, он был управляющим имением Поленово в Виннице и подавал прошение на высочайшее имя на возвращение ему дворянства, и перед самой революцией 1917 года (ну, может быть, несколько раньше, за несколько лет до этого), наша Ольга Станиславовна Стржалковская тоже автоматически приобрела звание дворянки. Поэтому

моя бабушка могла быть спокойна: ее сын женился на дворянке, сбылась ее мечта! А мать все время ворчала: «Ну надо же, прямо перед началом революции я вдруг оказалась в бывших...»

Н.Ф.: Это была шутка или это действительно так?

И.В.: Действительно так!

Н.Ф.: Ведь никто не знал, что ей вернули. Она могла говорить, что «отняли дворянство в шестьдесят третьем году, и я никогда не была и не собиралась ей быть».

И.В.: В те времена к анкетам относились достаточно серьезно. Большевики тщательно проверяли кто и как, поэтому скрыть это было невозможно. Впрочем, моя мама перед большевиками выслужилась. Родители мои были беспартийными. Но перед большевиками Ольга Станиславовна выслужилась сразу же в 1917 году. Дело в том, что после разгона Учредительного собрания, который произошел в декабре 1917 года, петроградская интеллигенция начала движение протеста, дескать, где же демократия, за что большевики разогнали Учредительное собрание как легитимный орган власти. И, в частности, петроградские преподаватели, Союз работников просвещения хотел принять решение о всеобщей забастовке учителей. Так наша Ольга Станиславовна, которая уже окончила Бестужевские женские курсы по специальности славянская филология, она преподавала русский язык и литературу и она тоже активно участвовала в этих дискуссиях и очень логично убеждала, что не дело учителей заниматься политикой и вмешиваться в политические баталии, которые могут окончиться гражданской войной (а так и было). Их дело обеспечить после революции хорошее образование молодежи, заниматься своим делом и не устраивать никаких забастовок. Ее позиция совпадала с позицией большевиков. Известно, что в это время и сам Владимир Ильич Ленин выдвинул лозунг «Учиться, учиться и еще раз учиться — вот главная задача молодежи!», и это в какой-то степени совпадало с ее позицией. Поэтому мою маму большевики стали очень уважать, ее избрали членом какого-то учительского профсоюзного органа, Союза работников просвещения. У нее был билет, удостоверение. Однажды, я помню, когда я с какими-то мальчишками во дворе вступил в конфликт, моя мама бросилась на защиту и, в частности, главным аргументом грозила этим мальчишкам — вытаскивала свое удостоверение депутата профсоюзного этого органа.

Стржалковская она была по отцу. Ее отец — Станислав Иосифович Стржалковский, мой дедушка. Единственный дедушка, с которым я был лично знаком, я застал его в живых, он умер в 30-м или в 31-м году. Он был акцизный чиновник и при советской власти продолжал свою работу, фининспектором был в городе Старом Осколе. Его жена — Александра Максимова, отчества я не знаю, это моя бабушка, я ее не видел. Она была русская, дворянка тоже. Мать ворчала, что ей во всех анкетах приходилось писать, что она дворянка, что в первые годы советской власти было пятном в биографии.

Н.Ф.: А ваш дедушка со стороны отца умер до революции?

И.В.: Нет, он дожил до революции. Более того, он дожил даже до моего рождения, и ему прислали мою фотографию. Бабушка мне рассказывала, что он видел мою фотографию, когда мне было около года. Он по-моему умер как раз в 1920 году. (*Смеется.*) Поглядел на меня и умер.

Дед, которого я не знал, Иван Петрович Влодавец, был священником в селении Развадовка Влодавского уезда Царства Польского. И во время войны (первой), когда немцы наступали, им пришлось бежать, и они с обозом беженцев эвакуировались на восток и добрались до Белгорода и там их приютили местные священники. Дед мой там жил под их опекой и там же умер и похоронен в Белгороде на кладбище.

Софья Ивановна — моя тетя. Она сопровождала бабушку во время отступления, а отец и дядя (в то время они были студентами Политехнического института) организовали лечебно-питательный отряд. Они работали военными санитарями. Они попали на фронт и там занимались такой подсобной деятельностью. Я, когда был мальчишкой, естественно, интересовался у отца его впечатлениями. Как он воевал, спрашивал его, какие у него самые большие впечатления остались от войны, и был страшно шокирован и удивлен, когда он мне сказал, что самое ужасное впечатление было, когда ему пришлось ассистировать операцию. Одному солдату осколками мины или снаряда повредило ногу и пришлось ее ампутировать. Ампутировать надо было срочно для его спасения.

”

Ему пришлось держать живую ногу, пока ее отпиливали пилой. Это было самое большое его впечатление. Я как мальчишка ожидал всяких героических подвигов, но был страшно шокирован, что мой папа занимался таким делом и что его самое страшное переживание было связано с этой живой ногой, которую приходилось держать, и она у него так в руках и осталась, а ее отпилили.

Дядя и отец, оба служили в одном и том же лечебно-питательном отряде. Мой дядя захватил с собой фотокамеру. Тогда у него был «Кодак», он был фотолюбитель и снял много фотографий, и у него сохранилась куча этих фотографий до наших дней, и мой сын, который потом работал в журнале «Советский воин» показывал эти фронтовые фотографии своим коллегам в фотоотделе. Они восхищались, удивлялись и потом многие эти фотографии использовались и публиковались в журнале. Мой дядя (ему было тогда за восемьдесят лет) неожиданно сделался заодно и фотокорреспондентом уже прошедшей войны. У меня эти фотографии есть. Там и колонны беженцев, спирали Бруно колючей проволоки на фронтах. Все на территории Волыни, где происходили главные боевые действия, там же был Брусиловский прорыв, контрнаступление российское.

Война еще не окончилась, но студентов отозвали продолжать образование, и в 1916 году мой отец женился на Ольге Stanisлавовне, которая к тому времени тоже уже окончила Бестужевские курсы. Курсистки, окончившие курсы для верности держали государственные экзамены при Петербургском университете, чтобы получить диплом университетский более высокой категории.

Знакомство отца с академиком Ферсманом

Академик А.Е. Ферсман

Я не знаю, каким образом я родился в Петергофе. Мой отец по окончании, или, возможно, еще до окончания Политехнического института, познакомился с Ферсманом, известным академиком-

минералогом. Ферсман еще в 1912 году перебрался из Москвы в Петербург.

”

В 12-м году там было какое-то студенческое движение «Со святыми упокой», когда Льва Толстого православная церковь предала анафеме и запретила хоронить по христианскому обычаю, а студенты, в частности Московского университета, где в то время работали и Вернадский, и Ферсман, в знак протеста организовали демонстрацию: ходили по улицам и пели «со святыми упокой». Вот такая была странная демонстрация.

Профессоров, которые поддерживали в этом начинании студентов, министр просвещения уволил. Им пришлось перебазироваться из Москвы, где была кафедра минералогии или геологии и там Ферсман и Вернадский с сотрудниками работали, в Петербург. В Петербурге Ферсман читал лекции как раз на Бестужевских курсах, но связано ли это каким-то образом с тем что я Петергофе оказался — я не знаю. Известно только одно, что когда Николай Влодавец познакомился с Ферсманом в Петрограде, тот в это время организовывал так называемый КЕПС — Комиссию по исследованию Естественных Производительных Сил России, которая была при Академии наук организована. Отец мой был сотрудником этой комиссии КЕПС и работал там. Комиссия занималась главным образом изданием трудов, посвященных разным полезным ископаемым. У нас в семье долгое время хранился сборник «Нерудные ископаемые», редактором которого был Ферсман. Там было много статей, в частности, и моего отца. Они между собой делили работу. Каждому давалось задание, допустим моему отцу было поручено написать статью про графит. Графит — минерал, который добывается у нас на Урале. Он собирал всю известную литературу и делал обзор с упором на то, как можно развивать добычу и производство графита.

В то же время советские власти поручили Ферсману (как наиболее известному и популярному специалисту по минералогии) заниматься делами Петергофской гранильной фабрики. Это была летняя резиденция Романовых, дворец Петергофский, там же находилась гранильная фабрика, которая занималась обработкой драгоценных и цветных камней. Это все дело было поручено Ферсману, и он, недолго думая, желая помочь молодой семье своего сотрудника, направил Николая Ивановича в Петергоф, и его назначили заместителем директора. Он с семьей, с молодой женой поселился в Петергофе, там я и родился.

Н.Ф.: Вы были первым ребенком в семье?

И.В.: Да! Там была, так сказать, петергофская интеллигенция, не такая уж многочисленная она была, видимо, знакома друг с другом. И такое обстоятельство, что моя мама родила ребенка в петергофской больнице, нашло такое отражение: главный врач этой больницы (он писал научные работы) выпустил книгу под названием «Матка женщины». Эту книгу он подарил своей пациентке как подарок, и эта книга у нас долгое время лежала. А когда я научился читать (а я научился читать очень рано с помощью бабушки), читал все подряд, что под руку попадало, (*смеясь*) и изучал эту «Матку женщины», когда мне примерно было 5 лет.

Н.Ф.: Ваша семья какое-то время жила в Петергофе, но потом вы переехали оттуда?

И.В.: Да. В 1923 году (тогда у меня уже сестра родилась — Ирина Николаевна) один из сотрудников КЕПСА или просто из знакомых отца, некий инженер Иванов, собрался ехать за границу и предложил моему отцу посторожить его квартиру, сказав, что он надеется, что власть большевиков продержится недолго, поэтому он постарается пораньше вернуться, и тогда придется отцу новое жилье искать, а пока что — сторожи квартиру. Квартира была в Петрограде. В это же время в лаборатории геохимии Ферсмана предоставили помещение на Васильевском острове, поэтому он решил, что нужно своих сотрудников сконцентрировать в Петрограде. По воспоминаниям моих родителей, все сотрудники лаборатории (она

тогда только организовывалась в первые послереволюционные годы) на выходные дни часто навещали Петергоф, потому что там моему отцу как заместителю директора был выделен отдельный домик на Фабричной Канавке. Это такая улица вдоль канала была помещена. Там был дом с освещением электрическим, с отоплением, были дрова, водопровод, со всеми удобствами, которых в Петрограде могло и не быть в то время, ведь была Гражданская война и так далее.

Хотя мне был один год в 1921 году, я отрицательно относился к событиям гражданской войны. Дело в том, что в 1921 году был Кронштадтский мятеж известный, серьезные сражения проходили на льду Финского залива в непосредственной близости от Петергофа. Взрослые наблюдали за ходом сражения: Петергоф несколько возвышенное место и можно было смотреть в бинокль. Они видели, что брошенные на подавление восстания красногвардейские части наступали по льду.

” **Снарядами пробивало во льду полыньи. Люди попадали в полыньи и тонули. Артиллерийская пальба была над Петергофом все время, и я тогда в своей люльке относился ко всему этому отрицательно, ревел все время и выражал недовольство этими событиями.**

Все сотрудники Ферсмана по выходным приезжали, главным образом чтобы принять нормальную горячую ванну, заодно сходить прогуляться по парку Петергофа, посмотреть дворец. Тетя и бабушка переехали из Белгорода тоже к нам и жили с нами в Петергофе. Моя мама все ворчала, дескать «мы были тогда молодые, приехали гости из Питера, мне хотелось тоже побыть в такой компании, а сына не с кем было оставить». Хорошо было бы оставить его Елене Онуфриевне (бабушке), но бабушка сама одевала свое лучшее платье, пудрилась и вместе со всеми отправлялась гулять по петергофским паркам, а маме приходилось сидеть дома с Игорем и воспитывать его, и отдохнуть таким образом было невозможно.

Н.Ф.: А сколько было бабушке лет?

И.В.: По-моему, она родилась в 1860-м. Ей было уже 60 лет. А мама родилась в 1893 году, ей было 27 лет, и примерно такого же возраста были те дамы и господа, которые составляли коллектив лаборатории Ферсмана, и ей, конечно же, было бы очень интересно с ними пообщаться.

Про Петергоф у меня главное воспоминание это козы. Тогда был 20-й, 21-й год, гражданская война еще только кончалась, с продовольствием было плохо, в народе это так и называлось — голодные годы. Чтобы ребят кормить, было единственное проверенное средство: можно было приобрести коз, а сотрудникам этой гранильной фабрики, которым были выделены казенные дома, при них довольно большие участки над оврагом, и над этим оврагом можно было этих коз пасти. И там было две козы: одну звали Машка, она была беленькая, другую — Звездочка. Это я ее так и прозвал, кажется, потому что сама она была черная, а на лбу у нее было белое пятно. Считалось, что козьим молоком надо вскармливать детей.

Я уже с детства очень не любил, когда взрослые меня обманывали. Я помню, меня однажды решили фотографировать. Поставили меня на стул в комнате, в которой была печка. Пришел фотограф, установил штатив, накрылся черным покрывалом, потом сказал «ты вот сейчас смотри на печку, сейчас из печки вылетит птичка». Я очень удивился, хотя мне было тогда два года, но я все-таки соображал, что обычно из печек птички не вылетают, разинул рот, напряженно стою и жду, когда же оттуда птичка вылетит. Но птичка так и не вылетела, а фотограф щелкнул затвором и начал убирать свой штатив. Я страшно негодовал и орал: «А где же птичка, почему обманули?» Другой раз, мне уже три года исполнилось, в марте 23-го года, и родители меня стали спрашивать, не хочу ли я завести себе братца или сестричку. Я страшно удивился. Мне казалось вполне достаточно того, что я один у родителей, мне уделяется большое внимание, поэтому я относился к этому довольно сдержанно. Но ко мне приставали, требовали, чтобы я определился, кого я хочу, брата или сестру. Ну, что касается сестрицы, я не понимал какой с них толк. А что касается братца, я сказал, что не возражаю. Если можно выбрать давайте братца. Дело в том, что наши соседи, сотрудники гранильной фабрики, у них было несколько мальчиков. Мальчики были

достаточно взрослые, уже ходили в школу, но они мною не брезговали, со мною играли. У них были роскошные модели яхт, которые они пускали по этой фабричной канавке к страху моих родителей и бабушки с тетей, которые меня не пускали к канавке, боялись, что я туда свалюсь, утону и так далее. Во всяком случае, эти мальчишки со мной играли и были хорошими товарищами, поэтому я легко определился, что хочу братика.

Отпраздновали мой день рождения 31 марта, а через пару недель вдруг мама куда-то исчезла. Я, конечно же, поинтересовался, где же мама. Мне объяснили, что мама поехала за братиком. Ну, раз поехала за братиком, то все хорошо, я спокойно жду.

”

Через некоторое время говорят, а не хочешь ли поехать к маме посмотреть сестричку. Я страшно удивился. «Какую еще сестричку?! Я ведь братика просил, вы мне какую-то сестричку! Я не желаю никакой сестрички! Я ее бить буду!» Надули...

Но через некоторое время все-таки как-то уговорили. Я поехал в больницу, где действительно мне показали сестричку. Сестричка была такая маленькая, беззащитная и вреда от нее вроде никакого не предвиделось, так что я сменил гнев на милость. Меня кое-как потом уговорили, дескать, смотри, ты старший, ты должен опекать свою сестрицу и так далее.

И в том же 1923 году мы переехали в эту квартиру на Большой Зелениной улице, на Петроградской стороне. Этот инженер Иванов застрял где-то за границей, по-видимому, так и собирался делать, а мои родители таким образом получили городскую прописку в Петрограде. Мать преподавала в петроградских школах. Раньше она преподавала в Петергофе.

Переезд в Петроград

Н.Ф.: Но ее не делали лишенкой из-за того, что она дворянского происхождения? Это никак не сказывалось на ее жизни?

И.В.: Нет, никак не сказывалось. Хотя она писала в анкетах, что происхождением она из дворян. Тут уж куда не денешься. Но впоследствии это не мешало не только ей. Ее двоюродный брат, сын дяди Генриха, который добивался восстановления в дворянстве, он сделался заместителем председателя Ленинградского горсовета.

Н.Ф.: Вероятно, он был партийный человек. Может быть, у него был еще дореволюционный партийный стаж, возможно, это считалось.

И.В.: Не знаю. Правда из наиболее компрометирующих родственников, был родной брат моей мамы Владислав Станиславович Стржалковский, который, по-видимому, оказался в Белой армии и вместе с армией уехал из Крыма за границу. И, по-моему, там какие-то потомки Стржалковских в Болгарии объявились. Мне Маргарита Леонидовна (*внучка Игоря Николаевича, дочь его сына Леонида. Прим. ред.*) не так давно говорила, что «если тебе будут звонить из Болгарии, то не пугайся. Там объявился кто-то из Стржалковских, и они разыскивают родственников в России». Вот, дозвонились сюда.

А Генрих Генрихович Стржалковский (мы его полушутя называли мэром, хотя он был не совсем мэром, а его заместителем), он своим родственникам Стржалковским помогал. Когда мой двоюродный брат учился в каком-то высшем военном училище в Ленинграде (он был моложе меня; потом был связан с ракетами, преподавал в Серпухове), тогда ему с общежитием было неважно, но Генрих Генрихович «мэр» выхлопотал ему квартиру. Он получил квартиру на набережной реки Карповки в хорошем доме. Я несколько раз, когда ездил в Ленинград в командировки, останавливался у него дома. И он потом иногда нас навещал в Москве.

Я сначала учился в 192-й школе, где моя мать преподавала. Школа эта помещалась на Большом проспекте Петроградской стороны, в Ленинграде он назывался проспект Карла Либкнехта, но во время войны его снова стали называть Большой проспект Ленинградской стороны. Фамилия Карла Либкнехта как-то во время войны в 41-м году не котирировалась, хотя мы знали, что он был друг Ленина и пострадал от немецких контр...

Сначала я учился в 192-й школе, потом моя мать перешла в 75-ю, поскольку разошлась во взглядах с директором школы. Тогда в школах старались проводить реформы. У педагогов есть такая мания, до сих пор стараются реформировать, все время страшные споры возникают, все кричат «мы реформируем» и ни с места. В то время все увлекались (хотя это началось еще со времен Грибоедова: он еще отмечал какие-то ланкастерские взаимные обучения) взаимными обучениями. В 20-е годы они пользовались популярностью в педагогической среде. Был распространен бригадный метод и все его разновидности. «Дневник Кости Рябцева» в то время была очень популярная книжка Огнева, где он описывал все это. Занятия проводились по так называемому Дальтон-плану. Моей матери, которая воспитывалась на Бестужевских курсах классиками российской педагогики, это все страшно не нравилось, и она выступала против этих новшеств и поссорилась с директором. Сначала она ушла в другую школу, там тоже с директором не поладила по тому же вопросу и решила вообще выйти из системы школьного образования и перешла в какой-то отдел ФЗУ. Тогда для того, чтобы поступит в вуз, надо было пройти пролетарскую закалку, чтобы можно было писать в анкете «имею производственный пролетарский стаж работы». Чтобы получить пролетарский стаж, надо было окончить хотя бы ФабЗаУч, ФЗУ или рабфак. Тогда можно было поступать в ВУЗ, а после школы просто так не принимали, во всяком случае лиц, у которых не было пролетарского происхождения.

Вот из любопытных деталей: Марианна Петровна Ребиндер как-то относится к моим религиозным воззрениям весьма негативно, а я считаю себя убежденным атеистом с детства.

Н.Ф.: То есть религия в вашей семье не играла никакой роли?

И.В.: Как же не играла? Все-таки бабушка Елена Онуфриевна Минкевич была очень религиозным человеком. Когда мама еще преподавала в 192-й школе я ее однажды подвел. На Пасху проводили анкету среди школьников на тему «Как вы проводите пасху». Поскольку вопрос был в то время очень деликатный, то решили проводить анонимно. Все должны были в тетради описать подробно, как в их семье проводят Пасху, тетради были без фамилий и их отдавали учителям, которые проводили какой-то анализ, исследования и статистику. Я честно написал в своей тетрадке (думал, раз анонимно, то никто не догадается, что это именно я писал), что на Пасху мы ездим в Петергоф к бабушке. Дело в том, что бабушка и тетя Соня сняли квартиру все-таки в Петергофе, хотя часть приезжали в Петроград, бывало что и надолго, но продолжали жить в Петергофе. Написал, что ездим к бабушке, она печет куличи, делает пасху, мы ходим с куличами и пасхой в церковь, где их освящают, принимаем участие в крестном ходе, заутрене. Все расписал и даже сопроводил рисунками. С чувством исполненного долга дома все рассказал про наше задание про Пасху. Мать меня тогда ругала, дескать, что ж ты такой глупый, все понаписал. Я сказал, что тетради были анонимные, что там не написано было, что это тетрадь моя — Гарика Влодавца. Мать говорит: «Ну да, написал, что мы едем к бабушке в Петергоф, а среди учителей у нас единственных у кого бабушка была в Петергофе, поэтому учителя все знают».

Что еще про петроградскую жизнь? Лето мы часто проводили тоже в Петергофе. Первое время жили у бабушки с тетей Соней. Они поселились на проспекте Красного курсанта. Этот проспект и сейчас там существует, он ведет от станции Старый Петергоф по направлению к заливу. Там рядом размещались казармы кавалерийских частей и там же размещались высшие командные курсы, на которые устроилась преподавательницей моя тетя Соня. У тети Сони была неплохая личная библиотека. Она еще будучи курсисткой выписывала журналы разные. «Нива», например. К журналам были серьезные приложения: собрания сочинений Достоевского, Метерлинка — автора «Синей птицы». Заодно она на политзанятиях повышала свою политическую квалификацию. У нее были «Вопросы ленинизма» Сталина.

А я в хорошую погоду бегал, гулял по английскому парку, на который выходил проспект Красного

курсанта, а когда плохая погода, сидел дома и читал все, что под руку попадется. Читать меня научила бабушка. Когда она приезжала, в Петроград мы выписывали вечернюю «Красную газету», и там, в основном, описывались разные городские происшествия. Например, там однажды утонул пароходик «Буревестник», тот самый на котором мы переправлялись из Петергофа в Петроград, мы как раз переселялись именно на этом пароходике. Мою сестрицу держали в каюте первого класса...

Н.Ф.: А вот история с сочинением про пасху, в каком это было классе? Сколько вам было лет?

И.В.: Это, наверное, был третий или четвертый класс, значит, мне было около десяти лет.

Н.Ф.: И вы уже так хорошо писали? Описывали такие сложные события?

И.В.: Ну, писал не так хорошо, в две линейки, скорее всего, но сопровождал рисунками зато. Это было примерно в 29-м — 30-м году. Тогда я уже был достаточно политически подкованным и принимал активное участие в коллективизации...

Я все-таки начну с того, как бабушка меня обучила чтению. Она читала историю про катастрофу парохода «Буревестник». По каким-то причинам он неправильно пришвартовался, получил пробоину и утонул. Были жертвы, и там списки публиковали, писали интервью спасшихся. Бабушка все это мне читала особенно не навязывая, не заставляя читать. А в конце газеты писалось — продолжение в следующем номере. Приходил следующий номер, а бабушки нету. А продолжение есть, ну и я пытался сам разбирать, что там. Особенно мне запомнилась одна кошмарная история, как нашли какой-то труп без головы в подвале на Обводном канале. Это тоже все рассусоливали в нескольких номерах газет. Там были очень широковещательные заголовки, о том, как голову нашли.

” Потом «оживление мертвой головы». Оказывается, оживление заключалось в том, что голову нельзя было опознать, она плохо сохранилась, и чтобы ей придать больше сходства с живым человеком жидкий парафин впрыскивали под кожу. Занимательное чтение для четырехлетнего ребенка. Но я все с интересом все это читал и усвоил, что чтение — это занятие продуктивное и что с его помощью можно получить такую информацию, которую другими способами получить нельзя. А вот мой правнук Витя так не считает. Он считает, что в наш век интернета и телевидения информацию можно получать массой разных способов.

Н.Ф.: Он прямо так формулирует, что информацию можно получить разными способами или это ваша интерпретация?

И.В.: Это, конечно, моя интерпретация, но вполне возможно, что он так же говорит. Во всяком случае, когда мне привезли этот здоровенный компьютер, выяснилось, что я с такими компьютерами не умею обращаться. Как-то так получилось, что в последнее время я мало следил за развитием компьютерной техники и безнадежно отстал от жизни, и Витя взялся меня обучать. Так получилось, что его родители все заняты разными делами, им не до меня. Правда, он с увлечением принялся обучать меня играм. А я играми компьютерными, кроме шахмат, не интересовался. В шахматы я с компьютером в свое время играл.

Вернемся к газетам и чтению. Бабушка меня приохотила к чтению, и когда я был в Петергофе в плохую погоду я читал все что под руку попадалось и очень любил теткин библиотеку смотреть, а в ней были, например, труды товарища Сталина. Я ее тоже изучал. Там была серьезная полемика с Троцким, с Зиновьевым, с Бухариным. Читал газету. Отец предпочитал выписывать «Правду». Он похваливал при мне Николая Ивановича Бухарина, не только потому что он его тезка был. Бухарина тогда избрали после разных скандалов в действительные члены Академии наук, и он присутствовал на общих собраниях,

ходил по этим академическим учреждениям. Там была полемика в годах 25–26-м между Троцким, Бухариным и Зиновьевым, я читал выступления этих сторон и мне нравились выступления Бухарина.

” Я почему-то считал, что Бухарин у нас будет главным после того, как контрреволюционные идеи Троцкого будут окончательно разоблачены. Но в 29-м году, к моему удивлению, генеральным секретарем по-прежнему оставался Иосиф Виссарионович Сталин, и отмечалось его пятидесятилетие.

Моя тетушка на полном серьезе относилась к изучению трудов Сталина и вспоминала мне, что какая-то ее подруга еще, когда она была курсисткой, ей рассказывала, что где-то на Кавказе, чуть ли не в тбилисской семинарии, появился какой-то замечательный грузинский или осетинский деятель, который проповедует очень интересные политические идеи, которым все предвидят большое будущее. И она считала, что это речь идет о Сталине, хотя его тогда плохо знали. А в 29-м году отмечали его юбилей, и одновременно тогда происходила коллективизация.

Лето в Старом Осколе. Коллективизация

А в 29-м году мы проводили лето на родине у мамы, в Старом Осколе. Ее брат Александр Станиславович Стржалковский был там врач. Он был учеником Бурденко, и после окончания института (учился он, по-моему, в Дерпте, а потом во время Первой мировой войны был эвакуирован в Воронеж, где преподавал Бурденко) устроился врачом в больницу в слободу Большая Ховань. Вот в этой слободе мы проводили лето. У него был дом (или он его снимал), это был поповский дом возле церкви. Возле церкви была базарная площадь, самый центр слободы. Там в это время шли горячие дискуссии, проходила коллективизация. Она проходила добровольно-принудительно. Акценты там на разные слова были.

И там я неожиданно принял активное участие в том процессе коллективизации. Дело в том, что там на каких-то развалинах валялось куча разных книжек. Я подобрал книжицу «Курица и яйцо». Это была популярная книга, где рассказывалось о биологии кур. Где рассказывалось, что куры — перспективный вид птицы и их нужно умело растить на птицефабриках, что в коллективных хозяйствах это можно хорошо организовать, и заодно подробно физиология размножения там описывалась. Я все подробно читал и усваивал. Я сидел на бревнышках возле церкви и иногда мужички, которым надоело дискуссии проводить по политическим вопросам, надо ли записываться в колхоз ли, не надо, подходили и интересовались, что я читаю, что я вычитал. И им страшно нравилось, когда я начинал рассказывать про то, как происходит процесс размножения у птиц со всеми физиологическими деталями. Я все это вычитал в книжке. А мужички, которым было непривычно слышать такие культурные научные выражения (мне же тогда было 9 лет), удивлялись, как малец с серьезным видом сидит и рассказывает.

” А я объяснял им и удивлялся, вроде же крестьяне, должны знать, как куры размножаются, а они все спрашивали, как же это происходит, и когда я им подробно научным языком объяснял, хлопали себя по ляжкам и кричали: «Ах, едрить твою...»

А потом передавали из уст в уста, что, дескать, появился такой вундеркинд (*смеется*), который лекции читает про размножение у кур и проповедует, как создавать птицефабрики в коллективных хозяйствах. Я сделался чем-то вроде местной такой диковинки, и вокруг меня собиралась публика, привыкли уже. Я усядусь читать какую-нибудь популярную брошюру, а тут ко мне сбегаются и начинают задавать любимые вопросы и восхищаться, как это у меня так получается. И надо сказать, что и агитаторы, которые

тогда там были, члены партии, решили этим воспользоваться, что собирается народ на стихийные митинги, и заодно хорошо бы попропагандировать, что хорошо бы и нам птицефабрику завести, а одному птицефабрика не по плечу, вот, наверное, надо организовывать колхоз.

К концу лета, я помню, того же 29-го года были и противники коллективизации, и сторонники коллективизации, и между ними были напряженные отношения. Начались пожары: друг друга жгли. Я был свидетелем этой классовой борьбы в самом натуральном виде.

Н.Ф.: Это вам было девять лет?

И.В.: Мне было девять лет.

Н.Ф.: А вы учились в 75-й школе, а в пионеры вам тогда предлагали вступить? Была тогда пионерская организация?

И.В.: Да, конечно! Именно в этой 75-й школе я и вступил в пионеры. Школа была на Петроградской стороне, на улице Воскова. Там был перекресток улицы Розы Люксембург и проспекта Карла Либкнехта. Улицы шли под углом и там, где они встречались, проходила Большая Пушкарская и тут же была Успенская церковь. Ее в 30-м году взорвали. Вот я ходил в эту школу. В школе у нас тогда были шефы, и шефом нашей школы была полиграфическая фабрика «Светоч», которая выпускала в основном ученические тетради. При школе была организована учебная мастерская-типография. Там была маленькая печатная машина, были наборные кассы, верстаки, и нас, малышей, обучали набирать эти шрифты, гарт. На уроках мы должны были набрать небольшой абзац, потом это все распечатывали. Я занимался этим с большим интересом. Потом так получилось, что около 30-го года эту школу объединили со 194-й школой, которая находилась на перекрестке проспекта Карла Либкнехта и улицы Розы Люксембург. Но «Светоч» продолжал оставаться шефом этой объединенной школы, а кроме того появился новый шеф — Институт прикладной химии, который на Ватном острове и сейчас существует и с которым я впоследствии много дел имел.

О работе отца и дяди

Так получилось, что мой отец был сотрудником КЕПСА, писал статьи по нерудным ископаемым. В лаборатории Ферсмана он выполнял ответственную роль — он проводил химический анализ всех минералов, в частности новых, которые открывали сотрудники Ферсмана. Например, Ирина Дмитриевна Старынкевич-Борнеман, приятельница моего отца, открыла некий новый минерал, который был назван в ее честь борнеманитом. Мой отец делал анализы. Практически все анализы возлагались на него. Он без работы не сидел, он приобрел хорошую репутацию химика-аналитика. Это имело несомненно положительную роль, отрицательное было то, что для минералогов эта работа считалась второстепенной деятельностью. Поэтому, хотя он в 30-е годы, когда ввели ученые степени и звания, получил без защиты диссертации степень кандидата геолого-минералогических наук и звание старшего научного сотрудника, но защищать докторскую диссертацию ему было не на чем. Но он особенно к этому и не рвался, у него были другие важные научные достижения. Дело в том, что Ферсман еще до революции и до войны много думал об алюминии. Тогда развивалась авиация и все понимали, что развитие авиации без собственного алюминия невозможно. Алюминий, как известно, добывается из бокситов, и Ферсман уделял много внимания поиску бокситов. Он ездил в экспедиции на Урал, за Урал. В Монголии, по-моему, нашел какие-то залежи бокситов. Ими пользовались наши предприятия. Стране нужен был алюминий, «крылатый» металл. Ферсман организовывал экспедиции на Кольский полуостров, его любимое место. И мой дядя Владимир Иванович Влодавец вместе с ним в экспедиции участвовал. Открытие крупных залежей апатитов в Хибинах это заслуга моего дяди, хотя там и другие сотрудники принимали участие.

Н.Ф.: Он был геологом?

И.В.: Он был геологом. Так получилось, что сначала мой отец к Ферсману пришел, а потом и дядю Володю туда присоединил. Дядя Володя как геолог участвовал во всех экспедициях Ферсмана и играл

не последнюю роль. Открыты были залежи апатитов на горе Кукисвумчорр. Но выяснилось, что там при добыче апатита в качестве побочных отходов образуются так называемые хвосты, которые представляют собой минерал нефелин. Отец занимался этим минералом, и Ферсман предложил попробовать из нефелина выделять окись алюминия. И мой отец разработал щелочной способ переработки нефелина с извлечением окиси алюминия.

Волховская ГЭС — первенец ленинского плана ГОЭЛРО, ее энергия использовалась для переработки тихвинских бокситов. Там был первый алюминиевый комбинат. Но боксита было мало — единственное месторождение на весь Советский Союз. Именно там, в поселке Пикалево, в свое время Николай Иванович разработал этот способ, который проводился в лабораторных масштабах. Когда убедились, что действительно можно окись алюминия выделять, отец подал заявку на изобретение и одновременно послал статью в газету «Новая техника». Он получил отказ и по неопытности не стал писать возражения. Не дали ему патента, а статья была опубликована в 29-м или 30-м году, дескать, опыты, проведенные Лабораторией геохимии Академии наук показали, что при использовании нефелина для получения окиси алюминия отходов не будет, потому что одновременно можно будет выделять щелочи и получать минеральные остатки, которые использовали в качестве портландцемента. Поэтому одновременно можно будет создать химический комбинат, который будет перерабатывать эти «нефелиновые хвосты», отходы от выделения апатита (апатит это фосфорное удобрение) можно будет получать три важных продукта: щелочи, цемент и окись алюминия. Этот проект вызвал большой интерес. Стали его проверять в полужаводском масштабе в Институте прикладной химии, который на Ватном острове, там была опытная установка. Большие вращающиеся печи, где эти «хвосты» нужно было спекать с известью, потом этот спек нужно было экстрагировать в густителях Дора. Там извлекали и щелочь, и алюминаты щелочей, затем туда пропускали углекислый газ, и выделялась смесь соды и поташа, и окись алюминия. То есть задача, поставленная Ферсманом перед моим отцом, была успешна выполнена.

Н.Ф.: А по этой теме он не мог защитить докторскую диссертацию? Это же была очень крупная работа.

И.В.: Докторскую он не защитил, но он получил впоследствии Ленинскую премию. Правда, этой работой очень заинтересовался Израиль Львович Талмуд, он тогда работал в тресте «Апатит», который он курировал. Он проводил большую организационную работу. Он сразу уверовал в этот способ. Потом он работал в министерстве цветной металлургии, которая была сильно заинтересована в производстве окиси алюминия и, в конце концов, он довел это дело до промышленной реализации. Для этого и... Так получилось, что в 34-м году Академию наук в 34-м году перевели из Ленинграда в Москву, и наше семейство решило, что раз Ферсман едет, то и мы поедem и поехали. Кстати, и Израиль Львович Талмуд тоже переселился, хотя ему пришлось из треста «Апатит» уволиться. В конце концов он сделался директором Пикалевского завода-комбината, который реализовал этот метод. Все были очень довольны. Мой отец тогда входил в состав научного совета при этом комбинате и ездил туда на собрания.

Н.Ф.: Он не был членом партии?

И.В.: Нет, он был беспартийным, но за эту работу был удостоен Ленинской премии. Также Талмуд и еще ряд других сотрудников, в частности, ГИПХа (Государственный институт прикладной химии — *прим. ред.*).

Н.Ф.: А Ферсман?

Академик П.А. Ребиндер

И.В.: Это было уже в 57-м году, а Ферсман умер в 45-м. Тут такая оригинальная история получилась. В первом варианте, когда выставили кандидатуры на Ленинскую премию, Влодавца не было. Николай Иванович конечно огорчился, но никаких действий не предпринимал. А я тогда (это был 57-й год, мне уже было 37 лет, у меня уже была кандидатская степень) работал у Петра Александровича Ребиндера в Академии наук, и я нахально написал письмо в Комитет по ленинским премиям, что «дескать, братцы, вы несколько преувеличиваете роль работников, которые занимались промышленным внедрением этого способа, но способ-то разработан Николаем Ивановичем Влодавцем, который по состоянию здоровья не в состоянии сейчас вести с вами дискуссии». Прислал копии газеты «Новая техника», где все это было описано еще в 30-м году. Возможно, из этого ничего бы и не вышло, но в этом время вице-президентом Академии наук был Власов, он же был директором лаборатории геохимии, которая была выделена в самостоятельный Институт геохимии редких элементов. Поскольку речь шла о его сотруднике, он спохватился и действительно помог. Я получил письмо от Комитета по ленинским премиям, где меня благодарили за присылку материалов, о которых до этого почему-то было неизвестно, и мой папа действительно получил Ленинскую премию.

Н.Ф.: Более чем через четверть века после изобретения. Промышленное внедрение занимало очень много времени, плюс к тому, чтобы общество поняло насколько успешна эта программа...

Я хотел уточнить, как фамилия того человека, который был директором завода в Пикалево.

И.В.: Талмуд. Их было три брата, все химики. Я знаю, один из его братьев Давид Львович Талмуд был крупным биохимиком.